

НЕ ПРЕВРАТИТСЯ ЛИ ЕВРОПА В ЕВРАБИЮ¹

Д. Пайнс

Будущее Европы неясно — оно «в игре» (англ. «in play»). Превратится ли Европа в «Еврабию» (Eurabia), в часть мусульманского мира? Останется ли этот континент особой культурной единицей, которую он представлял собой в последнем тысячелетии? Или возможен некий творческий синтез этих цивилизаций?

Ответ на этот вопрос имеет большое значение. Европа занимает всего 7 процентов суши нашего мира, но за 500 лет (в период от 1450 г. до 1950-г.) — хорошо это или плохо — европейский континент был всемирным двигателем изменений. То, как он будет в дальнейшем изменяться, окажет большое влияние на всё человечество, в особенности на такие дочерние страны, как Австралия, которая всё ещё сохраняет близкие — и очень важные — связи со старым континентом.

Я предвижу три потенциально возможные пути развития ситуации в Европе: господство мусульман, отказ от мусульман или гармоничная интеграция.

(1) Развитие событий по первому пути, приводящее к господству мусульман, представляется некоторым аналитикам как нечто неизбежное. Ориана Фаллачи (Oriana Fallaci) пришла к выводу, что «Европа всё больше и больше становится провинцией ислама, его колонией». Марк Штейн (Mark Steyn) считает, что значительная часть Западного мира «не сумеет перенести трудности двадцать первого века, и эта часть мира практически исчезнет ещё в наше время, во многих или почти во всех европейских странах». Эти и некоторые другие авторы указывают на три фактора, которые будут способствовать исламизации Европы: вера, демография и чувство наследия.

Антиклерикализм, который преобладает в Европе, особенно в среде элиты, ведёт к забвению иудейско-христианских традиций, появлению пустых скамей в церквях и к усилению привлекательности ислама. В полном контрасте с этим мусульмане выказывают религиозное рвение, которое способствует восприимчивости к джихаду, возникновению чувства превосходства по отношению к не-мусульманам и надежд на то, что Европа намерена обратиться в ислам.

Различие в верованиях приводит к возникновению демографических различий. У христиан на

каждую женщину приходится 1,4 ребёнка, что на одну треть меньше, чем это необходимо для поддержания численности их населения на требуемом уровне. Что же касается мусульман, то у них имеется драматично более высокий, хотя и уменьшающийся, коэффициент плодovitости. Ожидается, что Амстердам и Роттердам (в Голландии) примерно в 2015 г. станут первыми городами, в которых большинство населения — мусульмане, а Россия, возможно к 2050 г., станет страной с таким большинством. Чтобы предоставить работу достаточно большому числу рабочих для финансирования существующих пенсионных планов, Европе необходимо иметь миллионы иммигрантов. Но в массе последних обычно оказывается непропорционально много мусульман, поскольку они живут достаточно близко, имеют колониальные связи, а в странах с большинством мусульман обычно царят беспорядки.

К тому же многие европейцы перестали гордиться своей историей, традициями и обычаями. Ощущение вины за возникновение фашизма, расизма и империализма вызывает у многих чувство того, что их культура имеет меньшую ценность, чем культура иммигрантов. Такая потеря самоуважения оказывает непосредственное влияние на мусульманских иммигрантов: если европейцы избегают следовать своим обычаям, почему иммигранты должны усваивать их? Если учесть уже существующие сомнения мусульман о ценности большей части того, что является «западным» — и в особенности, того, что имеет отношение к сексуальности, то становится ясным, почему мусульманское население так решительно сопротивляется ассимиляции.

Логика этого «первого пути» развития ситуации приводит к выводу о том, что в конечном счёте Европа станет своеобразной пристройкой к Африке.

2) Но движение по такому пути не является неизбежным. Врожденные европейцы могут отвергнуть этот путь, поскольку они составляют 95 процентов населения континента — и в любое время вернуть себе контроль, если придут к выводу о том, что мусульмане представляют собой угрозу своему высоко ценимому европейскому образу жизни.

Движение в этом направлении можно увидеть в том, что во Франции введено законодательство, запрещающее ношение хиджаба (накидки, скры-

¹ Источник: <http://www.danielpipes.org/5516/europe-or-eurabia>

вающей лицо и руки женщины), или в демонстрации фильма *Fitna*) режиссера Гирта Уилдерс (Geert Wilders). Усиливаются позиции анти-эмигрантских партий; потенциально нейтивистское движение формируется в различных странах Европы по мере того, как политические партии — противники иммиграции — фокусируют внимание на проблемах, связанных с исламом и мусульманами. К таким партиям относятся Британская Национальная партия (British National Party), Бельгийская Влаамс Беланг (Vlaamse Belang), Французский Национальный Фронт (France's Front National), Австрийская партия свободы (the Austrian Freedom Party), Партия за свободу в Нидерландах (the Party for Freedom in the Netherlands), Датская Народная Партия (the Danish People's Party) и партия Шведские Демократы (the Swedish Democrats).

По-видимому, эти партии будут расти по мере усиления иммиграции, причём партии, представляющие большинство, будут оплачивать и распространять своё анти-исламское послание. Если националистические партии придут к власти, они будут искать возможности отказа от мультикультуризма, сокращать иммиграцию, поощрять репатриацию иммигрантов, поддерживать христианские организации, принимать меры для увеличения рождаемости в семьях местных европейцев и изыскивать возможности восстановления традиционных обычаев и порядков.

По всей вероятности, в результате принятия этих мер мусульмане поднимут тревогу. Американский автор Ральф Питерс (Ralph Peters) сделал набросок сценария, в котором, в частности, рисуется такая картина: «Корабли американского флота стоят на якоре, а солдаты морской пехоты сошли на берег в Бресте, Бремерхавене или Бари для того, чтобы гарантировать безопасность эвакуации европейских мусульман». В конце сценария, заключает Питерс, из-за «неискоренимой порочности» европейцев «их мусульмане еле живы». Поскольку европейцы «осуществили геноцид и этнические чистки», мусульмане, предсказывает он, «будут рады, что их только депортируют», а не убивают. Действительно, мусульмане беспокоятся о том, что их постигнет именно такая судьба; начиная с 1980-х гг. они публично утверждали, что мусульман посылают в газовые камеры.

Возможности применения насилия коренными европейцами нельзя исключить, но более вероятно, что националистические действия будут совершаться в менее жесткой форме; если и существует вероятность того, что будут инициироваться акты насилия, то они будут исходить от мусульман. Они

уже принимали участие во многих актах насилия, и представляется, что они имеют желание осуществлять их опять. Опросы показывают, например, что около 5 процентов британских мусульман одобряют так наз. «транспортные бомбардировки 7/7». Короче говоря, европейские утверждения могут привести к непрерывной междоусобной борьбе, возможно, к ещё более летальной версии осенних беспорядков в 2005 г. во Франции.

(3) Идеальный результат можно получить в случае, если коренные европейцы и мусульманские иммигранты найдут путь к тому, чтобы совместно гармонично жить и создать какое-то новое человеческое объединение. Результаты такого идеалистического подхода Жанна-Элен Кальтенбах и Пьер Патрик Кальтенбах (Jeanne-Hélène Kaltenbach and Pierre Patrick Kaltenbach) изложили в 1991 г. в своём исследовании под названием «Франция, благоприятная возможность для ислама» (La France, une chance pour l'Islam). Несмотря на все сложности и препятствия, этот оптимизм остаётся общепринятой точкой зрения, о чём говорится в конце передовой статьи в журнале «Экономист» (Economist) в 2006 г.: по крайней мере в данный момент перспектива возникновения Евразии — это «паникёрство».

Такова точка зрения большинства политиков, журналистов и академиков, но у неё слишком малая база для реализации надежд. Да, коренные европейцы ещё могут как бы вновь открыть свою христианскую веру, «произвести» больше детей и опять холить и лелеять своё наследие. Да, они могут поощрять не-мусульманскую иммиграцию и заняться развитием культуры у мусульман, живущих в Европе. Да, мусульмане могли бы признать достоинства исторической Европы. Но такое развитие событий сейчас не происходит, а его перспективы не ясны. К тому же молодые мусульмане культивируют свои обиды и вынашивают амбиции, не совпадающие с желаниями своих соседей.

Можно практически исключить из рассмотрения шансы мусульман признать (достоинства) исторической Европы и интегрироваться в её пределах. Американский обозреватель Деннис Прагер (Dennis Prager) согласен с такой точкой зрения: «Трудно представить себе другой сценарий для будущего Западной Европы, чем её исламизация или возникновение гражданской войны».

Но какую из оставшихся двух возможностей изберёт этот континент? Прогнозировать очень трудно, потому что кризис ещё не нанёс удар. Но скорее всего он недалёк. Возможно, что в течение десяти лет или около этого европейско-мусульман-

ские отношения приобретут более чёткую форму, и особенности эволюции континента станут ясными.

Беспрецедентная природа европейской ситуации также чрезвычайно затрудняет формулировку каких-либо предсказаний. Ещё никогда в истории важнейшая цивилизация мирно не ис-

чезала, и никогда ещё народ не восставал, чтобы вернуть себе её наследие. Уникальное положение дел в Европе затрудняет их понимание, возникает боязнь просмотреть нечто важное, и практически невозможно что-либо прогнозировать. В Европе все мы попадаем в *terra incognita*, всё ещё неизведанную страну.